

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

КОНЕЦ СВЕТА ОТМЕНЯЕТСЯ

ЧЕРНЫЙ КОТ

Илона Волынская

Кирилл Кащеев

Конец света отменяется

Серия «Детективное агентство «Белый гусь»», книга 12

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6086146

Волынская И. Конец света отменяется : повесть : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65584-7

Аннотация

Лето на носу! Но Кисоньке Косинской не до отдыха – Матвей Соболев, восходящая звезда шоу-бизнеса, решил, что только она достойна быть его девушкой. Горе-певец устраивает ночные концерты под окнами и караулит бедняжку возле школы. Папа решил помочь дочке – отправить Кисоньку и Мурку вместе с друзьями на море, в Бердянск. Но там девочку поджидает проблема посложнее навязчивого поклонника: сначала на ребят падает холодильник, потом за ними гоняется вооруженный диковинным ножом неизвестный в плавательной маске. И чутье детективов просто вопит: где-то рядом готовится преступление...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Конец света отменяется

Глава 1

Незаказанный концерт

– Мы живем в самом дорогом районе города, у нас закрытая стоянка во дворе и консержка в холле, – шепотом сказала мама. Лицо ее в свете луны казалось бледным и мерцающим, точно у призрака, а глаза были темные, трагические и страшные, как у ведьмы. – Неужели в таком приличном доме не найдется ни одного порядочного вооруженного бандита, чтобы застрелить мальчишку?

– Ты сама не захотела покупать квартиру в элитной новостройке! – сбрасывая с головы подушку, яростно прошипел папа. Ударившая с улицы звуковая волна заставила его мучительно сморщиться и снова прикрыть ухо. – Хотела, чтоб соседи – университетские профессора и конструкторы с ракетного завода! Вот поэтому у нас нет ни одного порядочного бандита, – с явным сожалением закончил он.

Они замерли во мраке, тесно, как напуганные дети, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к пробивающимся сквозь плотно закрытое окно звукам.

– Твои охранники не согласятся его убить? – простонала мама.

– Если побудут у нас ночи две, наверное, согласятся, – болезненно усмехнулся папа.

Мама медленно легла на спину и вытянула руки вдоль тела. Бледность и темные круги под глазами делали ее похожей на покойницу.

– Еще две ночи я не выдержу, – обреченно прошептала она.

За окном на миг воцарилась тишина, но они знали, что счет покою идет на секунды и сейчас все начнется сначала. Стекло содрогнулось от акустического удара. Мама глухо вскрикнула и сжалась в комок.

– Любовь выше облаков! – взревело во дворе... И следом раскатистая дробь насмерть избитой палочками ударной установки и мученический вой истерзанного саксофона. – Я для тебя на все готов! О Элла, моя девочка-Синдирелла, Золушка моя нежна-а-я...

– Он всерьез считает нашу дочь Золушкой? – На измученном мамином лице мелькнула тень возмущения. – Кем он себя возомнил?

– О Элла, хищная Кисонька-кошка, помаши мне пушистым хвостом...

– Попаду я в дурдом, – безнадежно закончила мама.

– В твоих зеленых глазах – черная ночь! Никто не в силах тебе помочь... – надрывались на улице, и стекла слабым дребезжанием отвечали на рев усилителей.

Родители невольно кивнули – никто! Бедная девочка.

– Чего нам на самом деле не хватает, так это пенсионерки-общественницы, – пробормотал папа, успокаивающе поглаживая плечо жены. – Они круче любого бандита, они – непобедимы.

– У нас в доме есть пенсионерка! – воскликнула мама. Ее лицо оживила внезапно вспыхнувшая надежда.

– Кто – Греза Павловна? – с усталым презрением спросил папа. – Вон она, слышишь, легка на помине!

Снаружи осажденного звуками дома вновь наступил краткий миг тишины, разлетевшийся вдребезги от интеллигентно-старушечьего фальцета:

– Прошу прощения, молодой человек, я никоим образом не осмеливалась прервать ваше творческое начинание, которое все продолжается и продолжается у нас под окнами, но сейчас, когда вы сами сообразовали сделать паузу, не будете ли так любезны не только попеть, но и немножко послушать? – донеслось с соседнего балкона. Голос Грезы Павловны с легкостью пробивался сквозь тройной стеклопакет. – Я понимаю ваш романтический порыв, серенада для любимой – так благородно! Однако же наша прелестная Эллочка, которую вы изволите называть Кисонькой... – в голосе Грезы Павловны прорезалось отчетливое неодобрение (она терпеть не могла прозвище своей юной соседки). – Девочка тонко чувствующая и отлично разбирающаяся в искусстве... Так что я бы порекомендовала вам взять пару уроков вокала, прежде чем петь под ее окнами! Или как-то по-другому выражать обуревающие вас чувства. Вы все же не великий Собинов...¹

– Он – Соболев! – рявкнуло с улицы сразу несколько глоток. – Соболев Матвей, мега-суперзвезда! Ура нашему Мэту!

– Вот именно! Не Собинов и тем более не Козловский, далеко не Козловский! – непреклонно объявила Греза Павловна.

– Слышь, Мэт, бабка на балконе говорит, что до Витальки Козловского ты не дотягиваешь! – прозвучал с улицы недоуменный бас. Громко и агрессивно стукнули барабанные палочки.

– Козловский – попса и отстой! – отрезал другой голос. – А у Мэта – смысл, глубина...

– Толщина... – вздохнул папа.

– Не слушай бабку, Мэт, у нее маразм! Нашла кого сравнивать – тебя и Козловского!

– Позвольте! – оскорбленно откликнулась с балкона Греза Павловна. – Вы не психиатр, юноша, чтоб судить о моих умственных способностях! Я понятия не имею, кто такой ваш Виталька Козловский. Я говорила о великом Иване Семеновиче Козловском, теноре Большого театра! Мне и в голову не приходило сравнивать Козловского с вами! Поверьте, мой дорогой, уровень Большого – не для вас!

– Блин, народ, бабка-то нашему Мэту уважение делает! – радостно откликнулся бас, и в подтверждение снисходительного понимания снова простучал барабан. – Правильно, на фиг нам тот Большой – он же маленький какой! Мы стадионы собирать будем – «Донбасс Арена», например! Зря, что ли, усилитель куповали?

– Спасибо-спасибо, – вмешался третий, вальяжно-сытый голос, при звуках которого перед глазами сразу возникал толстый кот из мультика. – Я благодарен своим фанам и особенно бабушке – божьему одуванчику на балконе третьего этажа, но, друзья мои, сегодня я пою не для вас! Мое творчество посвящено единственной девушке, которая достойна стать рядом с настоящим певцом, девушке, которая живет здесь...

Папа стиснул край одеяла в кулаке. Ему казалось, что его дом, старинный дом, который он сам помогал ремонтировать и приводить в порядок, всеми стенами излучает ненависть насмерть замученного существа, и направлена эта ненависть сюда, внутрь, на него и его семью. На прикроватной тумбочке зазвонил телефон. Мужчина молча глядел на трещащий аппарат, потом схватил трубку и нажал кнопку – словно чеку из гранаты выдернул.

– Сергей Николаевич? – спросил хорошо поставленный мужской голос.

Папа совершил, наверное, самый мужественный поступок в жизни – подавил желание сунуть трубку жене.

– Это вас из четвертой квартиры беспокоят... – неуверенно продолжил голос.

– Да, я узнал вас, профессор, – страшным усилием воли папа заставил себя говорить спокойно. – Чем могу?

¹ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – оперный певец (лирический тенор), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

– Я даже не знаю, как вам сказать... – пробормотал сосед – папа был уверен, что сейчас тот нервно протирает очки. – Хотел предупредить – в нашем доме возникли опасные настроения! Наши соседи... Вы не подумайте, они неплохие люди, просто отчаявшиеся, ведь третью ночь этот кошмар продолжается! – Голос сорвался на осязаемый всхлип. Повисла пауза, и наконец профессор шепнул в трубку: – Говорят, что все не должны страдать из-за девочки. Они хорошо относятся к вашей семье, но сколько же можно... Соседи начинают думать о том... чтобы... выдать вашу дочь... этому... захватчику...

– И что же этот... захватчик... будет делать с моей дочерью? – очень спокойно спросил папа.

Новая пауза показала, что собеседник растерялся.

– Об этом никто как-то не подумал, – промямлил профессор. – Отчаяние не затрудняет себя логикой, а тут еще Галина Валерьевна из 17-й квартиры вчера включила телевизор на городском канале, а там... снова этот! Который у нас под окнами! – в истерике завопил профессор. – Поет! Он снова пел!

– Успокойтесь, профессор, – ровным тоном сказал папа. – Выпейте воды.

– Я спокоен, спокоен... А вот Галину Валерьевну отвезли в больницу – сердечный приступ, знаете ли. Кто он такой, этот мальчишка? – стоном измученной души вырвалось у профессора.

– Мотя Меховой, – тяжело вздохнул папа.

– Простите? – переспросил профессор.

– Его мама – владелица сети меховых магазинов. Видели, наверное, слоган «Сила меха – гарантия успеха»?

– Хуже, – мрачно откликнулся профессор. – Я купил там шубу жене.

– Ну вот, – с печальным удовлетворением заключил папа. – Профинансировали музыкальную карьеру ее сына.

– В любых своих бедах человек виноват сам – прямо или косвенно, – наконец произнес сосед. – Но мы постоянно норювим об этом забыть. Как вы думаете, если я сожгу эту шубу прямо перед дверями ее магазина? – В голосе звучала странная смесь угрозы и беспомощности.

– Придется супруге новую покупать.

– Но у конкурентов! – торжествующе откликнулся профессор. – Заметьте, Сергей Николаевич, новую шубу я куплю у их конкурентов! Передайте от меня сердечный привет Марье Алексеевне и... и дочкам тоже! – Сосед торопливо отключился. Шубу, что ли, жечь побежал?

– Тебе привет от профессора, – сказал папа, кладя трубку на место. Еще одного разговора с соседями он не выдержит.

Мама кивнула, напряженно прислушиваясь к происходящему на улице.

– Матвей Соболев, певец и музыкант, руководитель и продюсер замечательной поп-группы «Дикий соболев», актер и режиссер клипов и рекламы, лучший студент ВГИКа и студии телевидения одновременно, московская звезда на провинциальном небосклоне нашего города... – голосом хорошо откормленного кота продолжал вещать с улицы Матвей Соболев. – Исполнит в честь Кисоньки Косинской свой новый мегахит! Слова – Матвея Соболева, музыка – Матвея Соболева...

За дверью спальни послышались сдвоенные шаги. Папа прислушался: шаги стремительно пронеслись в сторону кухни... Стихли. Зато хлопнула дверца холодильника.

– Аранжировка – Матвея Соболева...

Папа невольно приподнялся, соображая, бежать ли ему на кухню – проверять или не стоит? Но сдвоенные шаги уже стремительно прошелестели обратно. Мамино лицо на миг

стало напряженным – тоже услышала. На ее губах вдруг промелькнула злорадная и даже кровожадная усмешка.

– Ты знаешь, что они задумали? – почти беззвучно, точно его могли услышать там, на улице, выдохнул папа.

– Пока нет, – шепнула мама. – Я вспоминаю, что у нас такого есть в холодильнике.

Папа ее не понял, но и переспросить не успел.

– Исполняет – Матвей Соболев! – внушительно сообщили на улице, и в ответ раздалось громовое аплодисменты. Аплодировало то ли трое, то ли четверо, но звук пустили через усилитель. Стекло в окне снова жалобно задребезжало. Барабанные палочки сыпанули частую дробь, и Матвей Соболев, певец-музыкант-режиссер-продюсер и сын своей мамы запел: – Довольно глянца, хватит гламура, о бэби-бэби, просто покажи фигуру – мне!

Лицо папы налилось кровью.

– Этот молокосос очумел? Петь такое под моим окном о моей дочери? – Он кинулся к окну, судорожно дернул ручку – запор заел. Шипя сквозь зубы ругательства, папа тряс раму, с ненавистью глядя вниз.

Барабанная установка стояла на самом краю тротуара, так что казалось, буйствующий за ней барабанщик вот-вот вывалится на дорогу. Свет переносных прожекторов скрешился на блестящих тарелках и заклепках куртки барабанщика. Рядом столь же нестерпимо сверкал саксофон, стиснутый в объятиях тощего длинного очкарика. Парни в сверкающих пиджаках наяривали на гитаре и синтезаторе – их лица наполовину скрывали громадные темные очки. Темной ночью это производило неизгладимое впечатление на публику. И всюду меха! Лисьи хвосты свисали с барабанной установки, а целый пучок гладких норковых шкур – с грифа электрогитары. Синтезатор казался зверьком на пушистых ножках. Меховые перевязи, оторочки, накладки украшали костюмы музыкантов. Ну а впереди, томно проговаривая в микрофон песню, скакал лидер группы «Дикий соболев» – сам Матвей Соболев! Длинная соболевья безрукавка поверх серебряной рубашки кружилась и раздувалась в такт движениям, обметая подолом нестриженую весеннюю траву газона. Похожие на куриные окорочка ноги плотно обтягивали блестящие штаны, а микрофон в руках певца был такой же сытенький и кругленький, как и щеки.

– Даже мегазвездам – вот как я! – так хочется-хочется чистой любви! Пойми меня и попой покрути! – Приплясывая, Матвей Соболев двигался через газон к тротуару – глаза блестят, губы тоже – от блеска для губ, рубашка сверкает, накидка развевается, каблуки украшенных стразами ботинок выбивают ямки во влажном газоне.

– Попой? Попой! – взревел папа, с новой силой накидываясь на непокорную ручку окна.

– Сергей, не надо, ты уже пытался его прогнать, только хуже стало – он усилитель притащил! – Мама бросилась к мужу.

– Я не буду его прогонять, я его просто убью! – рявкнул тот.

– Давай лучше снова полицию...

– Чтоб они застукали меня над его еще теплым телом? Да открывайся же! – Папа шарахнул кулаком по раме.

– О любви моей ты гредишь, но ничего не говоришь, партизанкой на допросе о любви своей – ко мне! – молчишь... – певец вдохновенно запрокинул голову, пафосно вскинул руку... Впечатление подпортили расплзшиеся на мокрой траве подошвы и зацепившаяся за ветку накидка. Матвей Соболев прервался – привычный к таким внезапным паузам барабанщик разразился яростным грохотом. Сосредоточенно выпятив пухлую губу, солист аккуратно, даже бережно отцепил меховую накидку и спрыгнул с бровки на тротуар, подальше от коварного газона. Теперь его было плохо видно из окна – разве что тщательно уложенные и блестящие на макушке волосы. Зато слышно по-прежнему отлично.

– Тебе что-то нужно, кошка моя...

Папа справился наконец с защелкой, распахнул окно и перевесился через подоконник, сам не понимая, что собирается делать: в такой ярости он был готов спрыгнуть певцу на голову. Пусть сам ноги переломает, но хоть прибьет поганца! Не подозревающий об опасности, нависшей над его головой (в буквальном смысле), Матвей Соболев сделал шаг вперед:

– Только что не скажешь напрямик, ни за что и ни почему... – объявил он в микрофон. – Я тебя не пойму! О выйди-выйди ко мне на балкон, потрындим за мой гениальный музон...

Его желание исполнилось: балконная дверь с треском распахнулась, и рыжеволосая фурия в зеленой шелковой пижамке вылетела на балкон.

– Я скажу тебя напрямик, чего я хочу, ты, пороса на меху! – завизжала она так пронзительно, что саксофон испуганно взвыл и смолк, а сорвавшаяся с ритма гитара жалобно загудела. – Хочу, чтоб ты подавился микрофоном, кабан поющий! И молю тебя вместе с мехами сожрала, ты, ветчина в соболях!

– Я никогда не думала, что Кисонька может так ругаться! – охнула мама. – Ладно еще Мурка, но Кисонька!

– Убирайся отсюда, бегемот сумчатый, и чтоб духу твоего...

– Кисонька! – с ласковым укором сказал Матвей Соболев, и его усиленный микрофоном голос прокатился по улице, заставив зашевелиться даже обитателей дома напротив. – Ты не дослушала песню! В этот раз я тебя прощаю. – Он величественно повел пухлой рукой. – Но на будущее давай договоримся – ты не прерываешь меня, когда я пою. Если, конечно, хочешь быть моей девушкой.

– Не хочу-у-у! – завопила рыжая Кисонька.

Барабанщик невольно стукнул палочками, контрапунктом отмечая этот крик души!

– Ну, хватит уже, – солист снисходительно усмехнулся. – Я, между прочим, Соболев Матвей! Певец, музыкант, актер, режиссер и продюсер! И звезда. Московская, – уточнил он. – Я не каждой девушке предлагаю встречаться! Нет, я понимаю: гламурная штучка вроде тебя должна немножко повыпендриваться и только потом соглашаться. Но ты с выпендрежем затянула, еще чуть-чуть – и мне надоест!

– А чтоб это произошло быстрее... – девчонка перегнулась через перила балкона. – Мурка, мочи его! – заорала она.

Еще одно окошко распахнулось, из него вылетело что-то белое, округлое, толстое, глянцево блеснувшее раздутыми боками в свете прожекторов, перевернулось в воздухе... С неожиданным проворством Матвей Соболев шарахнулся назад. «Ну да, когда в клубе выступали, Мотыка таки натренировался уворачиваться от тяжелых летающих предметов!» – сообразил барабанщик.

Каблук мегазвезды зацепился за бровку, и, выронив микрофон, Соболев растянулся на газоне. Зато гитарист успел прыгнуть вперед... и, точно бейсбольной битой, отбил гитарой летящий снаряд. Раздалось звучное «бах!», и гладкая глянцевая оболочка лопнула. В воздухе расцвел омерзительный белесый цветок – воняющая, густая белая жижа расплескалась во все стороны.

– Вот блин, – пробормотал гитарист, замирая с инструментом наперевес, и физиономия у него стала такая виноватая, что Кисонька плюхнулась животом на балконные перила и попыталась разглядеть улицу. Из соседнего окна высунулась ее сестра-близняшка Мурка.

Внизу стояла совершенно незнакомая молодая девушка. Ее волосы, брючки, пиджачок с короткими рукавами и даже торчащие из босоножек пальцы покрывал слой вонючей белой слизи. Подброшенная ударом гитары пленка распласталась по ее лицу как мелкие прожорливые твари из фильмов-ужасов.

Девушка пару секунд стояла неподвижно. Потом медленно отлепила пленку от лица, брезгливо швырнула ее наземь, провела по щеке ладонью, не столько стирая, сколько размазывая белую слизь, и дрожащим от обиды голосом спросила:

– Ну и за что вы меня скисшим кефиром облили?

Парень у синтезатора подумал – и сыграл первый аккорд траурного марша.

– Надо было этот пакет с вечера в мусорку положить, – пробормотала мама, бросая на мужа смущенный взгляд. – Так я боялась, что он лопнет...

– Лопнул, – согласился папа. – С треском.

С точно таким же треском распахивались окна по всему дому, и наружу высывались любопытствующие соседи. Весь фасад – в торчащих головах! Зато Кисонькина балконная дверь захлопнулась – дочь нырнула в комнату.

– Как я в таком виде на работу пойду? – доносился возмущенный голос пострадавшей.

– Это не мы! – Соболев Матвей поднял себя с газона. С трепетным вниманием он ощущал безрукавку в поисках повреждений – не нашел, вздохнул с облегчением, выпрямился. – Просто в этом доме... – он ткнул в сторону окон семейства Косинских, – живут люди, которые неадекватно реагируют на окружающих!

– И в какой же квартире живут эти неадекватные люди? – агрессивно переспросила девушка.

Не дожидаясь развития событий, папа направился в комнату Кисоньки. Обе дочери сидели на кровати. Хорошо хоть они никогда не любили одеваться одинаково – на Мурке была не кокетливая зеленая пижамка, а простые белые маечка и трусики. А то ведь и не отличишь одну от другой: обе рыжие, зеленоглазые, спортивные, обе одинаково несчастные и понурые.

– Доигралась? – глядя только на Кисоньку, хмуро поинтересовался папа. – Вот теперь нам всем аукнулись твои бесконечные мальчики, зайчики и прочие бойфренды!

– Сергей, – предостерегающе сказала мама, выходя в коридор. Но папа даже не оглянулся.

– Он мне не бойфренд, – ненавидяще процедила Кисонька.

– Это ты так думаешь! – повысил голос отец. – А он думает иначе! – Сергей Николаевич выразительно ткнул пальцем за окно, туда, где скрывался страшный ОН. – Если собирать из мальчиков коллекцию, ничего удивительного, что один экземпляр оказывается бешеным!

– А по-моему, ты наезжаешь на нас, потому что не можешь справиться с Меховым Мотей, – глядя в сторону, пробормотала Мурка.

– Тебя, моя дорогая, вообще никто не спрашивает! Завела себе тихого, умного очкарика, ну и отлично, все довольны!

– А кто мне в воскресенье скандал устроил, когда я с Вадькой по скайпу разговаривала? – ринулась в бой Мурка.

– Ах, ну извините! – издевательски раскланялся папа. – Разговоры по скайпу в два часа ночи, да еще перед экзаменом – это и правда не заслуживающая внимания ерунда... по сравнению с тем, что устроила твоя сестра!

– Я ничего не устраивала! Вадька мне к экзамену помогал готовиться! – одновременно завопили близняшки.

– А поющий меховой мешок у нас под окном к чему помогает готовиться? К смерти? – заорал в ответ Сергей Николаевич. – Когда придут соседи и забьют нас швабрами?

– Сергей! – повторила мама.

Кисонька натянула на плечи простыню, будто ей было холодно в эту майскую ночь, обхватила колени руками и уставилась прямо перед собой.

– Люди – гнусные, трусливые, мерзкие существа, – механическим голосом отчеканила она. – Мотю забивать швабрами они не пойдут, обязательно к нам явятся!

Папа вздохнул – длинно и шумно, – точно выдыхая весь гнев. Помолчал, прислушиваясь к доносящимся с улицы голосам – там еще разбирали кефирный вопрос, а значит, пара минут в запасе оставалась.

– В общем, так, девочка-философ! Прямо сейчас соберете чемоданы – маленькие! – специально для Кисоньки уточнил он, – и уедете на море, в пансионат. В Бердянск!

– Прямо завтра у нас еще экзамен, – мрачно объявила Мурка.

– Значит, прямо послезавтра! А прямо завтра переночуете в гостинице, я сниму номер!

– Мотя нас найдет, – безнадежно сказала Кисонька. – По регистрации. И будет петь перед гостиницей. И нас забьют швабрами уборщицы и администраторши.

– Тогда переночуете у Муркиного бойфренда, который треплется с ней по скайпу, но хотя бы не поет! – снова заорал отец. – Я позвоню его маме, извинюсь и попрошу, чтоб она вас оставила! А утром отправитесь в путь всей гоп-компанией, включая Севу, Вадьку и его сестрицу с гусем! Не одним же вам в Бердянск ехать! На машине с шофером, чтоб зловещий Мотя не выследил вас по железнодорожным билетам, подкупив начальника вокзала! Бред какой-то! Вы же вроде чемпионки по рукопашному бою – и боитесь толстого неуклюжего мальчишку!

– Это несправедливо! – взвилась Мурка. – Ты же сам запретил нам его бить! Еще когда он под окном в первый раз взвыл!

– Вы не знаете его мамашу! – отрезал Сергей Николаевич. – С ней вы обе загремели бы в колонию для несовершеннолетних. Ни адвокаты не помогли бы, ни ваша любимая отмазка: «Ах, мы две слабые девочки, что мы можем сделать такому большому мальчику?» – Папа даже попытался состроить глазки, передразнивая «невинный» Кисонькин взгляд. Вышло страшновато. – Вон соседи пытались на него милицию натравить – и что? Через час он снова был у нас под окнами!

– А почему мы едем в Бердянск? – вдруг тихо спросила Кисонька. В голосе ее послышался легкий проблеск интереса.

Папа аж сморщился от сочувствия – надо же, как его капризную дочь Мотиными ухаживаниями приложило! Никаких выступлений на тему: «Фу, Бердянск, какая дыра!» На что угодно согласна, лишь бы подальше от пташки певчей. Точнее, бройлера певчего!

Голоса внизу стали затихать – возмездие за пролитый кефир неумолимо приближалось. Сергей Николаевич заторопился.

– Во-первых, недалеко. Во-вторых, зная твои вкусы, никто не подумает, что ты могла умотать в такое... скромное местечко. Ну и еще, там продается пансионат молокозавода. Компания, которая купила молокозавод, почему-то хочет от пансионата избавиться, а моему заводу как раз что-то такое не помешало бы. Пансионат владельцы закрыли, основной персонал уволили, остались директриса и пара человек obsługi. Потенциальным покупателям предлагают там пожить. Осмотреться, оценить возможности. Вот вы и поедете, как мои представители. Заодно и вправду посмотрите, что с этим местом не так. По бумагам все в порядке, но зачем его вообще продавать, да еще так дешево? И зачем закрывать, мог бы пока деньги приносить.

– Мы вроде как не спецы по недвижимости, – с сомнением пробормотала Мурка.

– А пора бы уже быть спецами – хоть в чем-нибудь! – снова разозлился отец. – Не только в мордобитии на татами и мальчиках! Вы – мои дочери, когда-нибудь моя фирма вам достанется. Вот и займитесь делом, может, перестанете наконец дурью маяться!

Мурка бросила на него странно-насмешливый взгляд.

– Ну, давай, что ли, попробуй занять нас серьезным делом, – согласилась она.

– Дети что, поедут одни? Без взрослых? – вмешалась мама.

– Мам, мы постоянно ездим на соревнования! – взмолилась Мурка.

– Там с вами хотя бы тренер, – отрезала мама.

– Ну я-то с ними поехать не могу, – сказал отец и, не успев супруга открыть рот, добавил: – И ты не можешь! У нас французы приезжают, я их буду пасти и ублажать? Я три ночи не спал!

– Можно подумать, я спала! – огрызнулась мама. – Я не отпущу детей одних неизвестно куда. И я точно знаю, что Вадькина мама тоже не отпустит!

Домофон зазвонил на весь дом – оскверненная скисшим кефиром девушка наконец добралась до виновных.

– Придумаем что-нибудь, только пусть едут! – поспешно натягивая брюки, бросил папа. – Глядишь, за недельку Мотя про нашу Кисоньку забудет... или хотя бы в это время мы спокойно поспим!

– Главное – секретность, – озабоченно согласилась мама. – Чтоб не узнал, куда они уехали, – и родители направились в коридор – объясняться, оправдываться, возмещать ущерб и успокаивать страсти.

Глава 2

А за окошком месяц май и Соболев Матвей

Самый гнусный, мерзкий и пакостный месяц в году – месяц май! Может, кто-то станет спорить: отчего ж так, когда солнышко пригревает, травка зеленеет, птички-цветочки. Так в этом же и есть главная майская подлючесть! И солнышко, и птички, акации белые-белые, и легкие лепестки осыпаются, как конфетти. Каштаны выметнули пушистые свечки, молодая травка такая аппетитно-зеленая, что хочется немедленно стать козой. А ты пишешь четвертную контрольную. Потом семестровую. Потом годовую. «При таких тематических в году по химии получается полная катастрофа! Тебе нужно пересдать как минимум две темы!» Пересдать? Пересдать! А-а-а-а! Убейте меня, кто-нибудь добрый и милосердный!

Но даже на фоне общей ежегодной пакостности мая месяца самый ужасный, отвратный, подлый, издевательский и сверх-над-супер-блинский – месяц май в девятом классе! Потому что экзамены! Какие птички-бабочки? Какие робкие намеки родителям насчет съездить куда-нибудь «на майские»? «Хочешь, поезжай на дачу... только учебники с собой возьми, к экзаменам готовиться!» А-а-а-а!

И ведь готовишься! В распахнутое окно врывается головокружительный аромат цветущей липы, а ты зубришь, потому что стыдно завалить эти проклятые экзамены: ну что ты, глупее всех, другие сдают, а ты не можешь? Такая вот добровольно-принудительная майская каторга.

А если ты еще и рвешься на части между учебой и работой в знаменитом детективном агентстве «Белый гусь», да к тому же нежелательный, но очень настойчивый поклонник образовался, то жизнь становится черной и противной, как осенняя слякоть, и мрачной, как... вон как Федька Потапов, который только что английский завалил! И то, что сама сдала на «отлично» – не помогает! Кисонька Косинская с тяжким вздохом ткнула лбом в оконное стекло.

Дверь класса распахнулась, и в коридор вывалилась встрепанная Мурка.

– Все! Все-е-о-о! Этот кошмар закончился! Хотя этот, – совершенно по-кошачьи жмурясь от счастья, выдохнула она. – Мотаем из этого страшного места и больше никогда-никогда в жизни сюда ни ногой! Ну, или хотя бы целое лето! Чего стоишь, пошли. – Мурка легкомысленно забросила сумку на плечо, шагнула к школьной лестнице...

Кисонька молча указала пальцем в стекло. Мурка глянула... и привалилась к подоконнику, будто ее не держали ноги.

– А если оно и тут запоем? – охнула она.

– Оно – может, – согласилась Кисонька.

На школьной спортплощадке сидел Матвей Соболев.

– Ну, по крайней мере, он не вооружен, – имея в виду отсутствие микрофона, оркестра и соболей безрукавки, неуверенно отметила Мурка.

– Если мы выйдем из школы, он опять ко мне привяжется, – голос Кисоньки дрожал, как заячий хвост. Она была чемпионкой Европы по ката с оружием и сыщицей детективного агентства «Белый гусь», ей приходилось сражаться на спортивном татами и даже выходить против вооруженных бандитов... но никого она не боялась так, как Мотю. Разве что крыс и червяков!

– Сама виновата, – зло буркнула Мурка. – И не фиг на меня так смотреть, папа на тебя наехал – и правильно, и сказать нечего! С одним ты в кино идешь, с другим – в чате треплешься, с третьим – в Карпатах на лыжах катаешься, с четвертым – на море до буйка плаваешь, и еще двое тебе звонят!

– На лыжах я катаюсь с тем, кто лучше на лыжах, плаваю с тем, кто лучше плавает, а в кино, конечно, с Витей хожу, он про фильмы столько знает, сколько никакому кинокритику...

– А Мотя поет, – перебила ее Мурка. – И он не понимает, почему в твоём батальоне лыжников, пловцов и кинокритиков нет места для ма-асковской звезды, певца, актера и продюсера...

– Заткнись! – истерически взвизгнула Кисонька. Парочка измочаленных после экзамена одноклассников едва не сверзились с соседнего подоконника, и Кисонька понизила голос. – Заткнись, пожалуйста, очень тебя прошу! Ему нет места в моем, как ты говоришь, батальоне, потому что он поет как укушенный за хвост поросенок. Выглядит как поросенок и ведет себя... как последняя свинья! Мотечка не хочет в батальон! Мотечка решил, что я для него подходящая девушка, и он будет моим парнем – единственным и неповторимым. Я от стыда сама зажарюсь, как отбивная, если появлюсь на какой-нибудь вечеринке с этой свинкой на меховой подкладке!

– И снова папа прав – ты на такого Мотю годами нарывалась! – буркнула Мурка. – Ты и правда думала, что с парнями можно творить что угодно? Этого в ящик положила, как ботинки, того в угол задвинула, будто табуретку, а этого уж ладно, из шкафа достала, пыль с ушей стряхнула – давай води меня в кафе и повизгивай от счастья, что сама Кисонька до тебя снизошла? Вот и до тебя – снизошли! Точно как ты сама, Мотя до глубины своей жирненькой душонки уверен, что ты должна скакать от восторга, заглядывать ему в глаза и целоваться с ним на каждом перекрестке!

Кисонька невольно брезгливо вытерла губы. К желанию убить Соболева прибавилось не менее острое желание врезать сестре. Как Мурка может сравнивать ее и Мотю?

– Целоваться – это ты у нас спец, – задыхаясь от злости, процедила Кисонька. – Со своим Вадечкой, в коридорчике черного хода агентства. Прямо под видеокамерой!

Мурка ошеломленно посмотрела на сестру, а потом убито спросила:

– Разве там есть камера?

– Так вы ж сами ее ставили – вдвоем с Вадькой! – изумилась Кисонька.

– Забыли, – едва слышно шепнула Мурка и начала медленно и мучительно краснеть.

Кисонька уставилась в окно. Там по-прежнему был виден Мотя. Радости это не прибавляло. Мало того что поющий поросенок осмелился набиваться к ней в парни, так из-за него она еще и с сестрой ссорится!

– Извини, – выдавила девочка. – Мы даже и не подглядывали за вами... Долго. Как только я отпихнула Катьку с Севой от монитора, сразу выключили.

– То есть все видели, – сухо уточнила Мурка.

– Мы просто завидуем! – торопливо заверила ее сестра. – Я и Катя! У вас с Вадькой все хорошо, а у нас... Сева на Катьку внимания не обращает, а я... Ты же знаешь, у меня... Я и Большой Босс...

Мурка кивнула – она знала. Кроме Мурки и Кисоньки, в детективном агентстве «Белый гусь» состояли еще компьютерный гений Вадька, финансовый аферист Сева, Катька, Вадькина младшая сестра, один солидный белый гусь по имени Евлампий Харлампиевич и один виртуальный призрак. Большой Босс был совладельцем агентства, помогал сыщикам «Белого гуся» добираться до международных преступников, но ребята не знали о нем ничего, кроме ника, аватарки и того, что его родной язык – английский. А еще Большой Босс был большой и безнадежной Кисонькиной любовью.

– Мы с ним как рыцарь и его прекрасная дама. Только рыцарь – я! – прохныкала Кисонька. – Я о нем мечтаю, ищу его на просторах виртуала, я ради него даже сражаюсь с монстрами и драконами... когда в онлайн-игре к нему на виртуальные свидания хожу. А он сидит себе в башне и ждет, когда я явлюсь к нему на белом коне!

– А вдруг он и правда – девчонка? – охнула Мурка.

– Вот именно! – Кисонька сморщилась, будто лимон разжевала, и вдруг тихо и очень печально сказала: – Я устала, Мурка! Несчастливая любовь хороша только в книжках, а виртуальная... – она безнадежно махнула рукой. – В виртуале хорошо знакомиться, но дальше должно быть что-то реальное! А он... Большой Босс... Ничего не делает! Если бы я ему была нужна... Есть «Facebook», есть скайп, есть... Я не Мотя, чтобы гоняться за тем, кому не нужна. – Кисонька вытерла глаза и гордо вскинула голову. – Вот и завожу себе всяких-разных! Когда-нибудь обязательно найдется парень, который мне по-настоящему понравится, я буду встречаться только с ним и разгоню всех остальных!

Мурка критически поглядела на сестру. Пафосное заявление, только «всяких-разных» Кисонька заводила и до появления Большого Босса. Кажется, даже когда они были совсем маленькими, к ее коляске скатывались коляски всех окрестных младенцев мужского пола. Мурка сестре не завидовала, каждому – свое. Если бы вокруг нее вертелось столько парней, она бы сошла с ума и начала их убивать – чтоб не толпились и вид не загораживали.

– Пока что нашелся Мотя, – напомнила она. – Как бы нам теперь его потерять? Если через главный вход выйдем – увидит.

– Можно вылезти на карниз с другой стороны здания и спуститься по трубе! – Глаза у Кисоньки затравленно блеснули.

– Ворвемся сейчас в какой-нибудь класс... – Мурка махнула рукой в сторону дверей, за каждой из которых слышался гул экзаменов. – Протопаем, значит, мимо преподаши, откроем окно, вылезем на карниз – и по трубе вниз с третьего этажа! – и сама невольно хихикнула, представив обалдевшие физиономии учителей. – Вот если бы Мотю отвлечь...

Сквозь оконное стекло на сидящего внизу Соболева смотрели две пары одинаково зеленых и кровожадных глаз. В некоторых вопросах мнения прямодушной Мурки и кокетливой Кисоньки совпадали. Сейчас обе думали, что лучший способ отвлечь Соболева – дать ногой в голову с разворота и добавить прямой в корпус на случай, если первый удар не подействует в связи с отсутствием мозгов в звездной голове.

Ничего не подозревающий Мотя продолжал восседать на скамейке у спортплощадки. Вид у него был гордый, как у знаменитости на автографсессии, но сквозь слой самоуверенности, лежащий поверх рыхлого жирка, пробивалась растерянность – Кисонька не появлялась, за автографами тоже никто не спешил.

– В прошлое воскресенье эта свинина на ножках явилась в «Репортер». Уселся за столик и отправил охранника меня искать! – горестно пожаловалась Кисонька.

– Там фейсконтроль и несовершеннолетних не пускают, – напомнила Мурка.

– Вот именно! Можешь представить, чего мне стоило туда просочиться! – снова разозлилась сестра. Неделя прошла, а все равно хотелось выпарапать пороссячьи глазки нежеланного поклонника. – Охранник меня нашел... и немедленно выставил! А у них, между прочим, был закрытый концерт Ынхёку из Super Junior! Ну, которые К-поп исполняют – корейская волна!

– «Gangnam Style»? – неуверенно уточнила Мурка и, словно для иллюстрации, скрестила запястья и сделала пару прыгающих движений в стиле толстого корейца из заводного клипа.

– Нет! Дался вам этот «Gangnam Style»! – огрызнулась Кисонька. – Корейская поп-музыка набирает популярность в Европе еще с 2009-го, и если мы о ней ничего, кроме «Gangnam Style», не знаем, это только наша вина! Ынхёку гораздо интереснее этого толстого с его «Gangnam Style»! Такой стильный, как в дораме...

– Может, тебе все-таки встречаться с Мотей? – перебила ее Мурка. – Поговорите о корейской музыке...

– Он хочет говорить только о своей музыке! – снова рыкнула Кисонька. – А до этого ее сначала надо послушать!

– Аргумент, – согласилась Мурка.

Мотя тем временем вытащил мобильник и принялся перебирать кнопки, не забывая коситься на школьную дверь.

– В Интернете сидит, – предположила Мурка. – «ВКонтакте» мнения поклонников читает.

– Говорят, у него больше двух сотен «френдов». И все с ним «зафрендились», чтобы написать, как они его ненавидят! Он же каждый день на городском канале во время рекламы выступает.

– Севка жаловался, что наша реклама слетела, когда его мамаша все рекламное время выкупила, – кивнула Мурка. – Но в Интернете он сидеть должен. Такие даже ругань читают, а потом обстоятельно каждому отвечают, почему те не правы, а он самый лучший, просто непонятый. А если он в Интернете, тогда... – сестры переглянулись.

– Я звоню Вадьке, – доставая мобильник, объявила Кисонька.

– Не смей! – взвилась вдруг Мурка. – Он сегодня тоже экзамен сдает! У них в лицее, если не сдал – отчисляют! Звони своему Большому Боссу – он же у нас международно известный хакер!

– Мурка, ты не слушала, что я говорила? – проникновенно сказала Кисонька. – Я Большого Босса знать не хочу!

– Ты бросаешь своих хахалей, как бросают курить – сразу и одновременно? Всех? А сама уходишь в монахини? Давай решать вопросы по очереди – сегодня ты бросаешь Мотю. Большого Босса начнешь бросать сразу, как только Мотя того... долетит и упадет.

Кисонька бросила на сестру мрачный взгляд. Хотела еще и портфелем запустить, но сдержалась. И без того ведет себя последнее время как базарная торговка – орет, визжит и хнычет. А все из-за Соболева. Мурка права – с ним надо кончать любой ценой.

– Бросать сразу двух парней, с которыми даже никогда не встречалась, – совершенно новые ощущения, – пробурчала она, тоже выходя в Интернет. Сердце, как всегда, дрогнуло, только в углу экрана появилась знакомая аватарка принца в черном и серебре.

«А ну – не дрожать!» – мысленно прикрикнула на глупое сердце Кисонька. Сердце не послушалось. Что с него взять – орган.

Большой Босс откликнулся сразу, будто никогда и не отходил от компьютера. Катька даже считала, что он – компьютерный разум, зародившийся в недрах Интернета. Кисонька иногда была не против, чтобы это оказалось правдой – лучше бесплотный искусственный интеллект, чем настоящий парень, которому на тебя плевать.

«Hello, Pussy Cat! You haven't written so long time. I miss you»², – побежали по экрану строчки. Девочка подавила истерическое желание швырнуть мобильник в стенку. Если бы и впрямь скучал, написал бы сам. Но теперь она будет думать об этих словах весь вечер и всю ночь, перебирать по одному, сочинять тысячу оправданий, почему он не пишет, не звонит, не пытается ничего узнать о ней... Нет! Не будет! У нее сотня поклонников, ей не нужен еще один, ей бы, наоборот, от одного избавиться!

«У меня личная просьба, – торопливо застрочила она на английском. – За мной ухаживает один знаменитый в нашем городе музыкант... – ну не писать же правду, что Мотя – знаменитый в городе придурок? Поющий. – К сожалению, я не считаю для себя возможным принять его ухаживания, но он...»

Как сказать по-английски «но ему плевать, и он меня уже задолбал»? Не знает она – как. Придется продолжать классическим литературным языком.

«Он не обращает внимания на отказ и продолжает меня преследовать».

На экране тут же возникла надпись:

² Привет, Кисонька! Ты не писала так долго, я скучаю! (англ.)

«Обожаю ваш стиль, Pussy Cat. Будто получаешь сообщения от леди XIX века».

Кисонька аж застонала от неловкости. Босс думает, что она старомодна! Она не знала, что ответить, поэтому просто продолжила:

«Сейчас он сидит на скамейке перед школой, и я не могу выйти!»

«А что вы делаете в школе?» – после короткой паузы поинтересовался Большой Босс.

О-о-оу-у-у! Он же не должен знать, что она всего лишь школьница!

«Провожу расследование», – отписалась она.

И снова пауза.

«Так этот ваш поклонник мешает расследованию!» – появился ответ. Темные буквы на белом фоне. Равнодушные. Лишенные эмоций. Только Кисоньке вдруг показалось, что, если бы эти слова были не написаны, а сказаны, от них бы веяло арктическим холодом.

«Давайте номер мобильного и e-mail вашего друга. Встретиться с ним вы сможете и после завершения расследования», – появилось в окошке мобильного. Кисонька просто чувствовала, что экран сейчас подернется морозными узорами, будто зимой при минус двадцати!

«Он не мой друг! И я не собираюсь с ним встречаться!» – торопливо отстучала она.

Ответа не было. Даже аватарка принца в черном и серебре словно повернулась к ней спиной.

Она подняла на сестру отчаянные глаза:

– Большой Босс решил, что я встречаюсь с Мотей, и теперь не хочет со мной разговаривать!

– Ну, ты же планировала развязаться с обоими – считай, повезло! – заявила безжалостная Мурка. – Гляди-гляди! Он уходит!

Глава 3

Голливуд заждался

Мобильник в руках Соболева зазвонил. Мотя поглядел на него критически и поднес к уху – каждый его жест был исполнен царственного утомления: я так устал, а тут неизвестно кто беспокоит. Через мгновение он судорожно выпрямился – весь его облик излучал напряженное внимание. А потом от Моти лучами брызнуло неопишное, полнейшее самодовольство. Казалось, оно сочилось из каждой поры: лицо маслилось, как румяный блин на сковородке. Соболев приосанился, гордо задрал пухлый подбородок и, величественно печатая шаг, удалился со школьного двора.

– Сматываемся! – Мурка ухватила сестру за руку и бросилась вниз по лестнице.

Девчонки вылетели из дверей, обежали школу вокруг, проскочили спортплощадку, уворачиваясь от радостно пинаемого одноклассниками мяча, оттянули свободно свисающую над дырой сетку забора и выбрались на улицу.

– Фух! – аккуратно расправляя лязгающую сетку, вздохнула Мурка. Теперь их с Мотей разделяли две улицы и школьный двор.

«Thank you, Big Boss, everything is fine!»³ – отстучала по кнопкам мобилки Кисонька. Нет ответа, хотя аватарка по-прежнему словно дышит, показывая, что Большой Босс, как всегда, в Сети. Не хочет общаться, ну и не надо, она тоже не станет ему больше писать, – твердо решила Кисонька... и немедленно набрала:

«What have you told him?»⁴

Нет ответа. Кисонька держала мобильник в ладонях, точно выпавшего из гнезда птенца. Большой Босс что... ревнует? Нет, правда? Ну почему она не видит его лица, не слышит голоса, она бы сразу поняла, что он на самом деле чувствует... Мобильник зазвонил.

– Ya, hallo! – радостно завопила Кисонька, нажимая кнопку.

– Я так и знал, что ты обрадуешься моему звонку! – с вальяжностью толстого мульташного кота сообщил Матвей Соболев.

– Соболев! Сколько можно просить? Не. Звони. Мне. Никогда! – очень-очень «радостно» рявкнула в ответ девочка.

– Трубку-то ты взяла! – победно-снисходительным тоном – дескать, «рассказывай-рассказывай, я-то знаю, что ты себя не помнишь от счастья!» – ответил Соболев.

– По ошибке. Не посмотрела, кто звонит, нажала кнопку, – скупое, будто каждое слово стоило денег, процедила Кисонька.

– А ты бы и не поняла – кто! Это у меня запасной номер, – торжественно объявил Матвей.

– Поздравляю, ты хитроумен, как братец Лис. Смотри, чтоб твоя мама тебя на воротник не пустила, – вздохнула Кисонька.

– У моей мамы даже губернатор жене шубы покупает! А я уже три клипа снял! В 17 лет! Она не выдержала и захохотала в трубку:

– В городе нет человека, который бы об этом не знал!

Клипы крутили во всех рекламных паузах всех городских каналов. Даже бабушки, которые еще смотрели местное ТВ, смотреть их перестали. Город дружно объединился в ненависти к осаждающему его толстому, коротконогую мальчишке с микрофоном. Но Мотя, кажется, принял ее слова за комплимент.

³ Спасибо, Большой Босс, все чудесно! (англ.)

⁴ Что ты ему сказал? (англ.)

– Статью про меня на городском сайте читала?

– Будет некролог, прочту обязательно, – вежливо заверила его Кисонька.

– Я тебе вчерашний фокус с кефиром простил, а ты выделываешься? – неодобрительно протянул Мотя. – Ты же никто, вот и радуйся, что в твоей тусклой жизни произошло что-то интересное – московская звезда хочет быть твоим парнем!

– Сережа Лазарев? Серьезно? Что ж он мне сам не сказал? – поинтересовалась Кисонька.

– Лазарев – отстой, а я скоро буду международной звездой! Я сейчас еду в аэропорт, – заявил Соболев так весомо, будто отправлялся давать концерт как минимум в Кремле. – Встретаться с ведущим американским продюсером – он сам позвонил, вот только что! Цени, какой у тебя парень!

– Слушай, американская звезда Мотя, – взмолилась Кисонька. – Ну, ты ж сам сказал: я – никто! Ну что ты в меня впился, а? Может, ты себе в Америке Бритни Спирс заведешь?

– Ты на фотках в Интернете видела, какой у нее целлюлит? – возмутился Соболев. – А ты спортивная, говорят, даже чемпионка какая-то... – небрежно – дескать, что вспоминать всякие мелочи! – обронил он. – Родители крутые, еще народ говорит, ты – самая стильная девчонка в городе, английский знаешь...

– И французский, – кротко напомнила Кисонька.

– Тоже неплохо! – снисходительно одобрил Соболев. – В музыке сечешь, так что сможешь с полным знанием дела хвалить мое творчество! В общем, ты мне подходишь. Я тебе даже разрешу меня в Голливуд провожать. Ну а потом, естественно, ждать обратно. Хотя я, конечно, не обещаю, что вернусь! Если предложат хороший контракт...

– Не возвращайся, Соболев! Ищи своего продюсера – и не возвращайся! – трепетно попросила Кисонька и отключилась. – Авось ты его там всю жизнь проищешь, призрак аэропорта!

Мурка хихикнула, представив себе толстенький призрак, плавающий среди пассажиров и багажа в вечных поисках американского продюсера. Если он будет петь, аэропорт закроют – ни один самолет сесть не сможет!

– Позвонить Большому Боссу, сказать, что мне понравилась его выдумка с продюсером? – задумчиво спросила Кисонька. – Если позвоню, он сразу поймет, что я общалась со своим поклонником – местным знаменитым музыкантом! Но может, это и к лучшему?

– Кто-то собирался Большого Босса бросать! – возмутилась Мурка.

– А другой кто-то сказал, что бросать нужно по одному парню в день! – парировала Кисонька.

– Может, сперва скажем ребятам, что мы все завтра уезжаем? – По особой сахарности тона было ясно, что Мурка начинает серьезно злиться, поэтому спорить Кисонька не стала, а зашагала следом за сестрой.

– Сева, наверное, не захочет ехать. Он и так злится, что никто из нас за все время экзаменов в офис и носа не показывал.

– Неделью агентство без нас продержалось и еще неделю продержится, – деловито объявила Мурка. – Хотя если Севка так боится упустить клиента, то и фиг с ним, пусть остается! За ним Соболев Матвей с песнями и плясками не гоняется.

– Зато Катька гоняется. Если Сева останется, то и Катька останется, – лукаво усмехнулась Кисонька. – И гусь тоже!

– Как только Сева узнает, что остается на хозяйстве с Катькой и гусем, немедленно решит ехать! – подхватила Мурка. – Значит, поедет и Катька!

Близняшки расхохотались и свернули за угол, на улочку в тихом центре, где в отреставрированном старинном особняке находился офис знаменитого детективного агентства

«Белый гусь». Улыбки исчезли с их губ, будто отвалились. Не сговариваясь, сестры метнулись обратно за угол и вжались в стену.

Глава 4

Зловещий «Мерседес» настигает

- Ты чего? – пробормотала Мурка.
- А ты чего? – немедленно переспросила Кисонька.
- Машина... – после недолгого молчания ответила близняшка – словно сама не сразу поняла, что же ее насторожило. – Перед офисом.
- Вот именно, – энергично кивнула Кисонька.

Сестры аккуратно выглянули из-за угла. Напротив высокого крыльца агентства припарковался темный «Мерседес». Ничем не отличающийся от других автомобилей, приткнувшись у кромки тротуара. Но сыщикам «Белого гуся» приходилось и сидеть в засаде, и попадать в засады, и догонять преступников, и самим убегать от погони. Им не нужно было объяснять и доказывать друг другу, что с «Мерседесом» что-то не так! Он словно смотрел... и ждал. Напряженный, злой взгляд за затемненными стеклами был ощутим, как упершаяся в переносицу красная точка лазерного прицела.

Мурка нырнула обратно за угол и вытащила телефон. Формальный владелец, а на самом деле единственный служащий «Белого гуся», высоченный бородач по прозвищу Саям, взял трубку.

– Из наших в офисе кто-нибудь есть? Нет? И не будут сегодня? Тогда ты сам! – решительно скомандовала Мурка. – Выйди из офиса и иди, только не торопись.

– Куда идти? – с тяжелым вздохом спросил Саям – наверняка на столе оставался недо-еденный бутерброд с его любимой колбасой, и он уже переживал «расставание».

– Куда угодно! – процедила Мурка. – Быстро давай!

– То не торопись, то быстро, – недовольно проворчал тот.

Хлопнула дверь, Саям сбежал с крыльца и спорым шагом двинулся прочь. Мурка была уверена, что сейчас мотор «Мерседеса» заурчит и темный автомобиль неторопливо двинется следом.

– Ему ничего не сделают? – нервным шепотом спросила Кисонька, снова выглядывая из-за угла.

– Пусть только попробуют, Саям сам кому хочешь сделает! – уверенно ответила Мурка. – А мы поглядим, кто тут крутится...

Саям скрылся за поворотом. Ну вот сейчас!

Темный «Мерседес» не сдвинулся с места, исходящее от него ощущение напряженного внимания никуда не делось. Мурка набрала номер Саяма.

– Ты где?

– В супермаркете, – сообщил тот.

Ясно, раз уж его сорвали с насиженного места, отправился пополнить запас продуктов!

– Ты... – Мурка замялась, сама не очень понимая, что спрашивать. – Ничего необычного не заметил?

– Колбаска новая, необычная, с сырной и с грибной прослойкой. Вот думаю, попробовать?

– За тобой никто не следил? – напряженно переспросила Мурка.

– Ну и как я, по-твоему, узнаю – следят за мной или нет? – поинтересовался тот, кого в их городе считали великим, почти гениальным сыщиком. В голосе его звучало оскорбленное достоинство.

– Может, на тебя кто-нибудь смотрит? Подозрительно? – предположила Мурка.

– Продавщица на меня смотрит, – немедленно сообщил Салям. – Действительно, очень подозрительно! Хочешь, я заставлю ее сказать, кто ее подослал?

– Не надо! – испугалась Мурка.

– Тогда я просто колбасы куплю, – покладисто согласился Салям.

– На Саляма не отреагировали, – пробормотала Мурка. – В офис влезть не пытаются. Если бы не Вадькины экзамены, он бы номер машины по базе данных пробил. Один только вред от экзаменов! – с досадой заключила она.

– Вдруг этот «мерс» просто так стоит? – засомневалась Кисонька.

– Надо доверять своему чутью, – наставительно сказала Мурка и сморщила нос, точно и впрямь принимавшаяся к подозрительному автомобилю. – Попробуем по-другому... – она вытащила из рюкзака крохотный арбалетик с пистолетной рукояткой, мгновенным, совершенно кошачьим движением выскользнула из-за угла. Щелкнул курок, и Мурка нырнула обратно в укрытие. – Я им подсадила «жучка»! – Она с торжеством извлекла из рюкзака планшетку с GPS. – Сядем в кафешке и посмотрим, сколько они перед нашим офисом торчат и куда потом поедут!

Поглядывая на экран GPS, Мурка двинулась прочь от офиса.

– Стоит? – переспросила Кисонька – молчать было скучно.

– Стоит... – кивнула Мурка и тут же остановилась. – Стоп! То есть не стоп, а наоборот – поехал!

Девчонки обернулись. Ушли они недалеко и из переулка отчетливо слышался шум работающего мотора. Обе напряженно уставились на поворот, уверенные, что сейчас оттуда высунется капот темного «мерса». Не высунулся. Мурка покосилась на GPS.

– На соседнюю улицу повернул, – странно чужим голосом сказала она. Ей было неловко, но страх, глупый и непонятный, кусал за сердце острыми, холодными зубками. Словно не обычная машина стояла рядом с их офисом, а что-то чуждое и опасное, лишь принявшее вид машины, и против него не поможет ни удар ногой в голову, ни доработка в корпус – ничего из того, на что Мурка привыкла полагаться в жизни. Она нервно перевела дух – ну что за дурь в голову лезет! Это все после экзаменов! Быстрым и чересчур решительным шагом она направилась дальше по улице.

– Мы куда? – непривычно писклявым голосом спросила Кисонька.

Тоже испугалась? Не может быть! Сестра только кажется девочкой-цветочком, а по большому счету, еще более отмороженная, чем сама Мурка, – никаким чертом ее не напугаешь!

– Куда и собирались, – буркнула Мурка. Испуг и злость мешались в душе, создавая странное ощущение, что ее едят изнутри. Фигня какая, ничего в этой машине особенного нет! Мурка глянула на GPS...

– Поворачивает! – заорала она. – Сейчас из того проходного двора нам наперерез выедет! – Она ткнула пальцем в арку.

Улочка-то старая, узенькая, пустынная, только слепые прямоугольники офисных стеклопакетов плятятся. Удобное место, чтоб, как в гангстерских фильмах, ударить автоматной очередью из окна машины и смыться задним ходом, оставив два окровавленных тела валяться посреди улицы!

Не сговариваясь, близняшки бросились обратно по проулку. Пульсирующее пятно на экране GPS перемещалось – черный «Мерседес» выскочил на только что покинутую близняшками улицу. Развернулся – девчонки слышали визг его протекторов по асфальту. Красное пятно на GPS отвернуло в сторону: машина запетляла по проходным дворам.

– Возле офиса перехватить хочет! – хрипло бросила Мурка, цепляясь за водосточную трубу, прежде чем стремительный бег вынес ее из проулка. Старая труба заскрипела, посы-

палась ржавчина, Мурку инерцией занесло к стене, она на миг увидела улицу и крыльцо их собственного офиса. Морда автомобиля выглянула из проходного двора.

– Обратно! – крикнула Мурка, толкая замешкавшуюся сестру. Девчонки повернулись и уже в третий раз помчались по проулку.

Наблюдавшая за ними из окошка ветхая бабулька почувствовала, что у нее кружится голова.

– Мало того что сами одинаковые, так еще и бегают туда-сюда! – возмутилась она, глядя, как в вихре развевающихся рыжих волос девчонки длинными скачками несутся по тротуару. – Или это у меня в глазах двоится? А все современная молодежь! – с претензией заключила она и, шаркая тапками, удалилась пить корвалол. И уже не видела, как в проулок ворвался черный «Мерседес» и хищно ринулся в погоню за близняшками.

Мурка кинулась через дорогу, чуть не под колеса юркому «Фиату». Скрежет тормозов, ругань – девчонки проскочили у затормозившего «Фиата» под носом и нырнули в тот же самый проходной двор, которым недавно воспользовался черный «Мерседес». Мурка оглянулась на бегу. Черный «Мерседес» вылетел из проулка на полной скорости. Ткнул в зад несчастный «фиатик», того понесло юзом – он остановился, стукнувшись о припаркованную машину. Истошно заорала сигнализация.

Девчонки рванули через двор: через клумбы с уже отцветающими тюльпанами, детскую площадку с каруселью и горкой. Два рюкзака, взлетев, хлопнулись на крышу ветхого сарая. Ногой на замок, подтянуться – на крышу! Из окна дома заорали – похоже, возмутилась хозяйка сарая. Подхватили рюкзаки и снова бегом по крыше. Прыжок! Приземлились на соседний гараж – загрохотало железо. Пронеслись по плотно примыкающим друг к другу гаражам, точно забором отделяющим один двор от другого. Кромка крыши, и опять прыжок – вниз! Они очутились в соседнем дворе – строй гаражей прикрыл их от преследователей. Снова бегом через двор. Что за чудо эти старые дворы, особенно если убегаешь! Узенький проход вдоль ветхого трехэтажного дома напоминал лисью нору – протиснуться можно только боком и только если ты худенькая, спортивная девчонка четырнадцати лет. В конце длинного темного лаза мелькнул свет, и девчонки выскочили в очередной двор. Только тут Мурка осмелилась глянуть на GPS... И хриплый злобный вопль вырвался из ее груди.

Алое пятно мчалось по экрану, петляя среди проходных дворов и держась строго параллельным курсом с убегающими близняшками. Еще минута – и преследователь опять выскочит им наперерез!

– Что, снова назад побежим? – гневно завопила Кисонька. От собранной со стен лаза побелки ее жемчужно-серая блузка выглядела подобранной на помойке тряпкой, зато черные школьные брюки приобрели грязно-серый цвет. Можно сказать, все в тон! – Вон проходной подъезд! Делаем широкий крюк и прорываемся на проспект! И в торговый центр!

Мурка кивнула. Даже если машина и въедет за ними в торговый центр, там и завязнет, вся увешанная шмотками из ближайшей витрины и плотно окруженная разъяренными охранниками! Снова бегом и снова тормозить, едва не грянувшись всем телом о дверь. Хорошо, что они изучили проходные дворы вокруг офиса, и хорошо, что на двери не домофон, а кодовый замок. Все коды Катька давным-давно выяснила у местных ребят, и теперь они хранились в памяти планшетника! Пальцы скользили, будто замок смазали, кнопки оказались неожиданно тугими... Да открывайся же ты! Мурка прижала кнопки замка еще раз...

Ничего. Ни щелчка. Еще! Ничего, только машинное масло пачкает ладонь...

– Они поменяли замок! – потерянно охнула рядом Кисонька.

Скорее, бегом из ставшего ловушкой двора!

Черный «Мерседес» ворвался в проходной двор как вражеская кавалерия на поле боя. Не снижая скорости, пронесся по объездной дорожке – ленивые голуби кинулись из-под колес, отчаянно хлопая крыльями. Автомобиль мчался прямо на девчонок. Он казался огром-

ным, как грузовик, он закрывал небо, закрывал весь мир, летел на них и не думал останавливаться! Мурка ударилась спиной о запертую дверь подъезда и зажмурилась. Только одна мысль успела вспыхнуть фейерверком невыносимой боли: «Бедная мама!»

Порыв острого, злого, пахнущего бензином ветра взъерошил волосы, скрежетнули тормоза... и все стихло. Негромко курлыкнул успокоившийся голубь. Мурка приоткрыла один глаз. «Мерседес» был прямо перед ними, можно протянуть руку и дотронуться до разогретого капота.

«Прыгаем на капот! – сообразила Мурка. – Мы прорвемся!» И приготовилась прыгать.

Водительская дверца распахнулась. Появилась женская ножка в открытой туфелодочке. Из «Мерседеса» выбралась стройная, подтянутая, хоть и немолодая, отлично одетая женщина. Окинула прижавшихся к двери подъезда близняшек долгим взглядом...

– Ну? – визгливо-склочным голосом, так не вяжущимся с ее холеной внешностью, спросила женщина. – И кто из вас та мерзавка, что позорит моего сына?

Глава 5

Мотькина мать

Мурка мгновенно поняла, кто перед ней. Тоже еще, нашлась тайна, покрытая мраком в три слоя. На яркой кожаной сумочке женщины, как брелок, болтался меховой хвостик, а широкий шелковый шарф был на концах чуть-чуть, самую малость, опущен светлым мехом.

– Члены этой семьи всегда используют себя как живую рекламу бизнеса? – оглядев «меховые добавки» на костюмчике для мая месяца, поинтересовалась Мурка.

– Соболевы хозяйственные... как хомяки, – меланхолично ответила Кисонька. – Все в дом, все в дом...

На лице женщины промелькнула растерянность – кажется, не на такое начало разговора она рассчитывала.

– И зачем мы удирали-то? – досадливо буркнула Мурка.

– Не скажи, – мотнула головой сестра. – Если б я знала, кто за нами гонится, – вдвое быстрее бы бежала. Я-то думала, нас всего лишь убивать будут, а это, оказывается, Мотина мама за сыночка заступаться приехала.

– Не смей упоминать моего сына! – взвизгнула женщина. – Ты мизинца его не стоишь!

– Если мы и продадим Кисоньку, точно не за такую бесполезную в хозяйстве вещь, как Мотин мизинец, – очень серьезно заверила Мурка. – Нам в Арабских Эмиратах еще год назад за нее десять тысяч долларов и «Порш» предлагали! – гордо заявила она и вполголоса добавила: – До сих пор считаю, надо было соглашаться.

За что немедленно получила от сестры локтем в бок, но не обиделась. Облегчение, невыносимое, оглушающее облегчение звенело в крови, ударяло в нос, как шипучая минералка, и взрывалось фонтанчиками невольного смеха. Они живы, их никто не собирался убивать, просто ненормальная Мотина мамаша (а какой она может быть у такого сыночка? Нормальная его б еще в колыбельке удавила!) приехала разбираться с Кисонькой. Вроде тех мамочек, что в песочнице грудью встают за ведерко и совочек своего малыша...

Стоп! Откуда эта сумасшедшая знает, что Кисоньку надо караулить рядом с офисом «Белого гуся»? Мурка напряженно поглядела на «меховую маму». Та злобно взвизгнула:

– Не смейте переговариваться, будто меня здесь нет! Смотреть на меня! А ты, девчонка, чего пялишься?

– Так смотреть или не смотреть? – вежливо уточнила Мурка.

– Мой сын тобой не интересуется, так что ты меня тоже не интересуешь, – отрезала женщина. Она метнула презрительный взгляд на изгвазданные побелкой Кисонькины брюки и блузку и скривилась. – Хотя не понимаю, как моему тонкому мальчику...

Кисонька, истерично захохотав, удостоилась нового презрительного взгляда и финальной части фразы:

– Могла понравиться такая... такая... – Мотина мама развела руками.

– Ой, а вы ему скажите! – умоляюще сложила руки Кисонька. – Ну что я его недостойна и вообще... Он же вас послушает, правда? Или нет? – уже без особой надежды переспросила она.

Мотина мама оставила эти слова без внимания.

– Но если он уже выбрал тебя... – она покачала головой, словно сокрушаясь: как он мог! – То ты обязана проявить к мальчику внимание, которого он заслуживает!

– Папа категорически запретил нам его бить, – вырвалось у Мурки.

Какой это по счету был презрительный взгляд, девочка не помнила. Если бы эти взгляды были материальны, они бы уже по всему двору валялись!

– Ты кем себя возомнила, девчонка? Брюсом Ли? Сына моего она побьет! – И для разнообразия презрительный взгляд сменился презрительным фырканьем.

Как говорила Алиса, которая «В Стране чудес»: «Все страньше и страньше...» Мотина мама караулит Кисоньку перед офисом, но при этом не знает, что сестры Косинские – кандидаты в мастера спорта по рукопашному бою. Не знает или прикидывается?

– Ты должна уважать Матвея! Ему всего семнадцать лет, а он уже снял три клипа...

– Только не надо больше о песнях, о том, в скольких институтах он учится, и о статьях на сайтах! – взмолилась Кисонька.

– Его весь город смотрит! – все-таки напонила Мотина мама.

– Весь город его переключает, – отрезала девочка. – А кто не переключает, тот нервно ищет пульт. Но если ему нужно мое уважение, честное слово, я согласна его уважить! Только бы отстал! Пожму руку, даже назову по имени-отчеству... Как его там, Матвей... – и Кисонька уставилась на Мотину маму, ожидая подсказки.

– Мой бывший муж не заслуживает такого талантливого сына! – неожиданно взъерилась та. – Он отказался организовать Матвею выступление на Запорожском телевидении, хотя ему это ничего не стоило! Ну кроме денег, конечно! Требовал, чтоб Матвей бросил творчество! Говорил, что если за песни нашего сына приходится платить нам, надо бросать, как он выразился «эту байдю и заняться серьезным делом»!

Девчонки сразу преисполнились к Мотиному папе определенным уважением.

– Ну и пусть пока приходится платить! Всем приходится! – продолжала возмущаться Мотина мама. – «Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами!»

Мурка вопросительно поглядела на сестру.

– Лев Озеров, поэт начала двадцатого века, – немедленно отпартовала шибко грамотная Кисонька. – Наверное, единственная его строчка, которую до сих пор помнят.

– Получается, мы с тобой в чемпионки Европы выбились от большой бездарности? – возмутилась Мурка. – А те, кому подсуживать пытались, они как раз таланты, это им так помогали?

Кисонька кивнула – она слушала сестру краем уха, с интересом внимая воплям Мотиной мамы:

– Но мой муж ничего не понял – он просто бросил нас и уехал!

Кисонька разбиралась не только в искусстве, но еще и в парнях, девчонках и их отношениях. Взрослые дядьки и тетеньки – это, по сути, те же парни и девчонки, только им уже можно жениться, разводиться, делить детей (хорошо, если не пополам!) и имущество. А ведь муж бросил тетеньку совсем недавно! – прикинула Кисонька. Только «свежеброшенные» вот так готовы рассказывать о «подлом негодяе» каждому встречному. И бросил, похоже, из-за Моти и его талантов, которым непрерывно нужно помогать. Жалко только, поздновато: Запорожской области повезло, а вот отравить Мотиным творчеством их родной город папа еще успел.

– Матвей творческий, ранимый человек! Отцовское предательство нанесло ему непоправимую душевную травму, и я не позволю, чтобы какая-то девчонка усугубила это страшное потрясение! – Женщина нависла над Кисонькой, ее глаза – безумные и страшные – оказались близко-близко. – Если ты снова обидишь-шь моего мальчика, ты пожалеешь! Я тебя где угодно найду...

– А как в этот раз нашли? – вмешалась Мурка, уже не зная, как бы так похитрее выпросить, почему Мотина мама ждала их именно возле агентства.

Очередной взгляд девочку не впечатлил – видно, уже выработался иммунитет.

– Что вас искать, – процедила та. – Один из моих бутиков тут, на соседней улице. Мои продавцы постоянно видят, как две одинаковые ярко-рыжие девочки забегают в проходной

двор напротив! Господи, ярко-рыжая, да еще и с сестрой-близнецом! Неужели Матвей не мог найти кого-то более утонченного?

Кисонька всерьез обиделась. Она всегда считала себя девушкой очень даже утонченной. Можно сказать, тоньше нее только провод от зарядника!

– Думаете, я не видела, как вы трусливо из-за угла подглядывали? – продолжала Мотина мама, указывая на зеркальце заднего вида в своей машине.

Кисонька обиделась еще сильнее.

– А уж сообразить, куда вы удирать будете, несложно! – с явным превосходством в голосе продолжала мама. – Я здесь каждый двор изучила, когда помещение для магазина выбирала. Надеюсь, ты поняла, что от меня не сбежать – попробовала вот только что, и не вышло! – торжествуя заключила она. – Я всегда буду на шаг впереди тебя, а уж для своего сына что угодно сделаю! Он должен получать все, чего хочет!

– Почему это? – изумилась Кисонька.

– Потому что он – мой сын! – яростно провозгласила та. – Позвонишь ему, извинишься за свое безобразное поведение, скажешь, что все поняла, разобралась в своих чувствах... Чувства какой-то рыжей девчонки, вот еще новости! – брезгливо скривилась она. – И теперь просто счастлива быть его девушкой! А иначе – берегись! – Мотина мама повернулась на каблуках и шагнула к распахнутой дверце машины.

Заворчал мотор, и черный «Мерседес» отъехал, освобождая проход.

– Догадался бы Мотыкин папа сбежать от жены с младенцем на руках, может, и вырос бы Соболев нормальным парнем, – задумчиво сказала Мурка.

– Наверное, ее можно как-то... оправдать? Материнская любовь... – неуверенно пробормотала Кисонька. – Вдруг Мотя в детстве много болел...

– Нельзя, – отрезала Мурка. – Если она так его любит, получается, наша мама, которая по улицам за твоими бойфрендами не гоняется и вместо меня противников на татами не бьет, – нас не любит? Оправдать эту ненормальную тетку – значит осудить нашу маму! И папу заодно!

Кисонька поглядела на сестру с уважением. Мурка вроде прямая, простодушная, а потом как скажет что-нибудь, и понимаешь, что прямота – вовсе не глупость, а имидж такой.

– Но уезжать надо. Все-все, в Бердянск, в Бердянск... – заключила Мурка.

– Да, меня его мамаша тоже напугала, – согласилась Кисонька.

– Меня не она напугала, – решительно мотнула головой Мурка. – Меня пугает, что мы постоянно вокруг агентства светимся! Неплохо бы нам побыть от «Белого гуся» подальше и вообще отдохнуть от детективов, а то вон, от скандальной тетки, как от убийцы, драпаем!

Глава 6

С Понудельника на Вторкик

Раскаленная лава должна течь медленно, будто густое масло, но ярко-оранжевый, дышащий жаром поток катился по склону стремительно, как ручьи вдоль тротуаров после майского ливня. Лава накрывала камни, могучие валуны чернели, начинали дымиться, как края горящей бумаги, и словно таять, растворяясь клубящимся дымом. Кисонька перепрыгивала горящие ручейки, иногда узкие, как лента, иногда широкие, как разложенный диван. Горячая земля жгла босые ноги, казалось, по ним прошлись наждаком. Черный камень истаял прямо под ногой – она едва успела перепрыгнуть на соседний. Но останавливаться нельзя, надо бежать, бежать быстро... Шуба гналась за ней!

Кисонька обернулась. Шуба была громадная, черная и гладкая, ее пошили из крысы, одной-единственной черной крысы – крысиная башка со вставленными вместо глаз стекляшками болталась капюшоном, а по краям рукавов свисали крысиные лапки со скрюченными когтями. Шуба шла через лаву, огненные потоки лизали меховой подол. Между распахнутыми полами царила убийственная чернота. Кисонька знала: если она нагонит, навалится на плечи, застегнется на круглые, черные пуговицы с четырьмя дырочками, пустота поглотит ее. Гладкий мех забьет рот, подавляя крики, закроет глаза, залезет в нос, мешая дышать. И она будет вечно вариться в жарких, душных недрах крысиного меха, растворяясь, как камни, только медленно, очень медленно...

Девочка всхлипнула и побежала вновь. Прыжок, прыжок, с камня на камень! Один оказался гладким и скользким, как лед, Кисонька зашаталась. Поток лавы выбросил гибкое, как у спрута, щупальце, которое вкрадчиво обернулось вокруг щиколотки. Щупальца спутывали колени, обвивали бедра. Кисонька попыталась сорвать эти путы, и те захлестнули запястья. Темная тень упала на нее. Шуба шла прямо по лаве, и рукава ее были широко распахнуты, точно собирались обнять. Девчонка судорожно рванулась, и тут же темное, жаркое, страшное накинлось на нее, накрывая с головой. Она закричала, изо всей силы лягнула ногой... и с глухим «бум!» сверзилась с дивана.

Надежда Петровна, мама Вадьки и Катьки, стояла в паре шагов от нее, выставив перед собой покрывало, будто щит.

– Я тебя укрыть хотела, ты плед сбросила... – испуганно пролепетала она.

Тяжело дышащая, мокрая, как из-под душа, Кисонька огляделась. Она сидела на полу – ноги ее плотно спутал сброшенный во сне плед. Было жарко, а жесткая шерсть царапала ступни как наждаком.

– Не надо, – пробормотала Кисонька. – Я... Я вас лягнула? Извините, я не хотела, мне кошмар приснился.

– Ничего... – неуверенно ответила Надежда Петровна. – Это ты извини, – она понизила голос до шепота, косясь на спящую на разложенном диване Мурку и Катьку на соседней кровати. – Я пойду завтрак делать, а вы еще можете полчаса полежать, – и тихонько вышла.

Кисонька выпуталась из пледа, заползла обратно на диван и тут же натянула плед себе на плечи – теперь ее била дрожь.

– Ты чего диван качаешь? – сонно пробурчала сестра и перевернулась на другой бок. Старый диван с разболтанными пружинами закачался еще больше – прямо как море, на которое они собирались!

– Шубу во сне видела. Из крыс, – пробурчала Кисонька.

Мурка приподняла встрепанную голову, вызвав новое качание дивана.

– Вот уедем, и все будет в порядке! – пробормотала она, пытаясь снова устроиться поудобней.

Оптимистка Мурка, верит в людей. В смысле, что люди гораздо больше хотят хорошего себе, чем плохого окружающим, и за каждым преступлением обязательно стоит выгода. Если даже человек, по сути, гад, но потерять от преступления может больше, чем приобрести, будет он сидеть тихо и никого не беспокоить. А Кисонька за время работы в «Белом гусе» поняла, что не все измеряется деньгами. К сожалению. Есть люди, которые пакостят просто из любви к искусству, не считаясь с собственными потерями. Для Мотиной мамы люди – она сама и, конечно, ее сын. А все остальные появились на свет исключительно для удовлетворения желаний мамы и особенно – Моти. Любая попытка окружающих объяснить, что они вообще-то сами по себе, со своими планами и желаниями, вызывает у мамы искреннее негодование. Вместо того чтобы явиться к Соболеву с повинной, Кисонька удрала из дому. Что же теперь будет?

– Все выпались, – зевнула Мурка. – Мы тут, родители – дома, если, конечно, Мотя поверил, что мы уехали. А то я не знаю, о чем ты думаешь! – Мурка сладко потянулась. – Что Мотина мама совершенно отмороженная, и не возьмет ли она наших родителей в заложники, чтобы наказать тебя за неповиновение.

– И что? – напряженно переспросила Кисонька.

– С ума ты сходишь, вот что! – хладнокровно объявила сестра. – Мотя – псих наследственный, а ты заразилась. Кто она вообще такая, эта мама, чтоб мы ее боялись?

– Что ж мы тогда удираем? – ворчливо спросила Кисонька.

– Потому что ситуация у нас идиотская. Мотя поет тебе о любви, это ненаказуемо. Нельзя у нас, как в Америке: по решению суда запретить приставучему козлу приближаться к тебе ближе, чем на сто метров! Наоборот, если мы ему в ответ на его любовь нехорошее сделаем, получим серьезные проблемы. Лучше уехать и переждать, авось его неземное чувство за недельку выветрится. Или он отвлечется на что-нибудь...

– На американского продюсера, который так и не приехал в аэропорт, – буркнула девочка. – Мамочка сына своего утешает и ненавидит весь мир, который сговорился против ее мальчика.

– Думаю, у нее есть проблема поважнее, – Мурка зло улыбнулась. – Я попросила Вадьку сообщить номер ее машины водителю того «Фиата», что она стукнула. Там, помнится, еще машины побились... Не водитель, так страховщики до нее доберутся!

– Ну что вы шепчетесь! – ворчливо высказалась Катька. – Спать не даете! – И, решив, что раз не дают, то и не надо, спустила ноги на пол. Любимец и символ их детективного агентства, боевой белый гусь Евлампий Харлампиевич, дрых в плетеной кошачьей корзинке возле ее кровати. Сейчас он приоткрыл круглый черный глаз, поглядел на хозяйкины ноги и призадумался – то ли тоже вылезать, то ли подремать еще.

– А неплохо вчера посидели! – вспоминая вечер у компьютера и ведро попкорна, перемешанного с мамиными пирожками, улыбнулась Катька.

Мурка улыбнулась в ответ. Ночевка в чужом доме – все равно что маленькая турпоездка. Совсем другая жизнь! В одной комнате Вадьиной «двушки» жил сам Вадька, другую делили мама с Катькой, ну и, конечно, Евлампием Харлампиевичем. На самом деле с Вадьиными-Катькиными заработками в агентстве давно можно было продать эту квартиру и купить трехкомнатную, но... Как объяснить маме, откуда взялись деньги? У Вадьки хоть комната есть, вся забитая техникой, а у Катьки – только письменный стол с висющим над ним расписанием уроков. Мурка поглядела на расписание: сама б умерла – не повесила, но у Катькиной мамы не забалуешься – учет и контроль! Потом посмотрела на расписание еще раз. Сползла с качающегося дивана и подошла поближе. Заинтересованная Кисонька последовала за ней.

– Катька, – задумчивым голосом поинтересовалась Мурка. – Это вот какой день недели?

– Понедельник! – возмутилась Катька. – Неприятный такой, сразу после воскресенья.

– Ага, неприятный, нудный, поэтому тут и написано – «понудельник»! – ехидно сообщила Мурка.

– Вторник тебе, видно, тоже не нравится, потому как у тебя он «вторник», – подхватила Кисонька. – Не иначе как от английского «kick»⁵. Ногами тебя пинают по вторникам!

За «понудельником» и «вторником» следовала «седа», в соседней колонке красовалась «потница», за ней – «сдубота» (Мурка предположила, что это такой специальный день, чтоб грянуться с дуба), и последним шел «воскесун». Среди разнообразия совершенно новых дней недели гордо сиял «четверг», написанный без единой ошибки, даже буква «г» на конце не потерялась! Аж обидно, из него ведь тоже много интересного соорудить можно!

– Ну и что? Мне это расписание училке не сдавать! – пожалала плечами Катька.

– Катька, тебе сколько лет? – вкрадчиво поинтересовалась Кисонька.

– Одиннадцать с половиной! – сообщила Катька, явно гордясь почтенным и заслуживающим уважение возрастом.

– Ну и сколько тебе будет, когда ты писать научишься? Шестидесят?

– Постель собирай, раз такая правильная, – решительно, а главное, очень по существу возразила Катька и запустила в Кисоньку подушкой. Они еще немножко покидались подушками втроем. Мурка счастливо улыбалась – классно-то как! И будет классно целую неделю! Они с девчонками поселятся в одной комнате, парни – в другой! Море, солнце и никаких Мотей, никаких расследований и никаких взрослых! Даже от самых лучших родителей надо иногда отдыхать.

Мурка вооружилась зубной щеткой и направилась в ванную. Евлампий Харлампиевич шлепал впереди, и, когда девочка взялась за ручку, гусь обернулся и обдал ее уничтожающим взглядом.

– Ах, простите! – немедленно рассыпалась в извинениях Мурка.

Гусь подцепил дверь клювом и исчез внутри. И принялся возиться, треща перьями. Не иначе как клюв чистил.

Мурка решила пока заглянуть в Вадькину комнату. За дверью открывалась привычная картина. Несмотря на ясное утро, горела настольная лампа и светился монитор. На столе выстроилась батарея пустых чашек, а глаза у парня под очками были красные, как у перебравшего крови вампира.

– Опять всю ночь не спал? – возмутилась Мурка. – Раньше к экзаменам готовился, а теперь что?

Вадька широко, по-собачьи, зевнул.

– Мэнуаона-интеет-олимпиада! – сквозь зевок прогудел он, захлопнул рот, будто муху зубами поймал, и уже связно повторил. – Международная-интернет-олимпиада по проге. По программированию. Я думал, на следующей неделе последние задачи сделаю, но раз мы уезжаем, пришлось всю ночь сидеть. Там крайний срок сдачи – четверг, – и он ткнул пальцем в прилепленную над столом желтенькую бумажку-«напоминалочку». На ней большими буквами было написано: «Последний день – червер!»

Мурка засмеялась. Четверг от семейства Тихоновых тоже не ушел!

– Хоть первое место займешь? – спросила она.

– С ума сошла – это ж международная олимпиада! Тут бы хоть в первую двадцатку войти. Лучше, конечно, в первую десятку. Ну, одно из призовых мест, конечно, лучше всего... В общем, может, и пробьемся! – бодро закончил Вадька.

⁵ Пинок (англ.).

– Бездарность ты моя! – засмеялась Мурка.

– Почему? – изумился парень.

– Потому что пробиваешься сам, – строго пояснила она. – А настоящий талант ждет, когда ему помогут! Ты разве не знал?

– Нет, – помотал всклокоченной башкой Вадька. – И, не понял ничего, снова с хрустом зевнул. – Хорошо, что ваш папа эту поездку придумал! Никаких экзаменов и, главное, никаких расследований, а то я уже звереть начал, а мама... – он невольно понизил голос, точно боялся, что Надежда Петровна подслушивает под дверью. – Мама стала задавать очень... неудобные вопросы. Я, конечно, все на лицей валю, мы там часто допоздна засиживаемся. Но, честное слово, мне уже надоело врать! – Его физиономия стала мечтательной. – Неделя без расследований – и без взрослых! А здорово ваших родителей достало, если они вас одних отпустили! – вдруг задумчиво добавил он.

Мурка пожалала плечами – должны же родители когда-то понять, что они с сестрой самостоятельные, ответственные люди и в присмотре не нуждаются!

– Ты вещи-то собрал?

– Да! – Вадька гордо кивнул на сумку с ноутбуком.

– А, пардон, плавки с футболками? – поинтересовалась Мурка.

Вадькина физиономия стала растерянной.

– Я сейчас чего-нибудь... – он распахнул шкаф и близоруко уставился в его недра. – Только не пойму, где тут что...

– Пойду твою маму позову, – вздохнула Мурка.

– Не надо, я сам! – вскинулся Вадька.

– Ты вон спишь на ходу! – отмахнулась девочка.

– Я не на ходу, я... на стою! – сквозь душераздирающий зевок пробубнил Вадька, действительно стоявший у шкафа.

Мурка отправилась на кухню просить маму одного взрослого человека собрать ему в дорогу носки и трусы.

Там весело свистел чайник и шкворчала яичница под тертым сыром – со старым луком, молодой зеленью и черными гренками.

– Мой сыночек опять в Интернете всю ночь торчал, а теперь глаза продрать не может? – поинтересовалась Вадькина мама, ловко расставляя тарелки, наливая чай и нарезаая хлеб – кажется, все одновременно.

– Не ругайте его, он программу для олимпиады писал! – горячо вступилась Мурка.

– А можно, я его еще лет пять-шесть поругаю, а уже потом передам тебе в полное владение? – съехидничала та.

Мурка смутилась. Надежда Петровна захихикала совершенно в Катькином стиле. А они еще гадали, в кого малая такая вредная!

– Если бы я полагалась на своего сына, он бы спал в ноутбуке, ел свой ноутбук и на пляж вышел, прикрываясь ноутбуком! Я давно все собрала! – Надежда Петровна кивнула на торчащий в углу кухни толстый, слегка потертый чемодан.

Обычно если Вадька куда-то ехал, так с рюкзаком. Мама собрала Катькины и Вадькины вещи вместе? Это же неудобно! Они в разных комнатах будут жить, пока шмотки поделят, замаются!

– Зови Вадьку завтракать, вот-вот машина придет, мне ваш папа звонил, – велела Надежда Петровна.

– Как у них там ночь прошла? – торопливо спросила Мурка.

– Тихо, – осведомленная о Кисонькиных проблемах, Надежда Петровна пожалала плечами. – Вы сказали этому певуну, что уезжаете? – В ее голосе звучало неодобрение – никто в городе не одобрял Матвея Соболева.

– Нет, конечно, – немедленно отреклаась от такой глупости Мурка.

– Ну, не знаю... Зови Вадьку!

Мурка вернулась в комнату. Компьютер пищал выпавшим из гнезда птенцом. Вадька сладко спал, улегшись щекой на клавиатуру. Мурка отключила комп, подняла Вадьку и вытолкала на кухню. Там он засунул за щеку хлеб с маслом, наколот кусок яичницы на вилку и задремал снова. Внизу забибикала машина. Катька выскочила на балкон и тут же метнулась обратно.

– Приехали! И Севка уже там! Харли, пошли! – Она метнулась в коридор к зеркалу, прошлась расческой по волосам. От недавно так восхищавших ее негритянских косичек девочка отказалась, от обычных косичек – тоже. Теперь у нее были гладкие волосы длиной до лопаток, и эта простая прическа ей необыкновенно шла, делая лицо тоньше и значительней. Раньше казавшиеся неинтересными светло-русые волосы словно светились. Катька наскоро мазнула помадой по губам, подхватила сумочку и кинулась к дверям – успеть пообщаться с Севкой, прежде чем подтянутся остальные. Евлампий Харлампиевич солидно пошлепал следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.